

Цскорка

6

*
ЕФИМ Петрович Чеповецкий — украинский детский писатель. Е. Чеповецкий пишет стихи, рассказы и пьесы для детей. В 1959 г. в Детгизе вышла его повесть-сказка «Непоседа, Мякиш и Нетак». В 1960 г. будет издан сборник рассказов Е. Чеповецкого.
*

Рассказ «Святые слёзы», который публикуется в июньском номере «Искорки», входит в этот сборник.
*

Ефим Чеповецкий

Рисунки П. Вискова

„Святые“ слёзы

У НАС в классе есть такая Оля Чубасова. Девочка как девочка, вот только болтуня страшная: всюду она бывала, всё она читала, всё она знает. Соберёт на переменке подружек и давай руками всплёскивать: «Ой, девоньки, что я знаю!.. Ой, девоньки, что я видала!»

Так вот эта самая Оля однажды заявила, что ей ночью ангел приснился: такой красивый, с белыми крыльями и большим пропеллером на спине. Девочки очень удивились, замолчали, а потом тревогу забили: «Почему ангел?», «Откуда ангел»? И правильно сделали, что тревогу забили, потому что там, где ангелы, — там и до бога недалеко. А бога, ангелов и чертей на свете нет, это все знают.

Собрали мы звено и начали выяснять, откуда к Оле во сне ангел забрался.

Оля охала, пожимала плечами, а потом вдруг сказала:

— Знаете, ребята, это мне, наверное, просто вертолёт приснился.

Все начали шуметь, смеяться. А я сидел и думал: «Нет, тут что-то не так, тут Оля чего-то не договорила».

Шёл я домой и думал: «Оля, конечно, в бога не верит. Но почему же ей такие сны снятся? Теперь старые люди и то не все в бога верят...»

Дома я спросил у бабушки:

— Бабушка, ты в бога веришь?

— Господь с тобой! — ответила бабушка. — Как ты можешь задавать мне такие вопросы, если знаешь, что я член партии с 1922 года!

И потом пожалел, что спросил её об этом, потому что моя бабушка действительно в бога не верит, наоборот, она очень активная бабушка. Она на каждом выборах в агитпункте дежурит, а я поддежуриваю: газеты рас-

кладываю, объявления развешиваю, в общем, бегаю по её поручениям.

А вот во дворе у нас живёт другая бабушка, Василиса Пахомовна, так та в бога верит. Это точно. Я это ещё тогда понял, когда она меня и Павку весной крашеными яйцами угощала. Дома у неё в углу икона висит, а под ней коптилка горит. Сама Пахомовна, говорят, в каком-то соборе служит. К ней даже настоящие попы ходят, бородатые, в длинных юбках.

У Пахомовны-то я и решил всё узнать. Прихожу в воскресенье утром, а у неё в гостях поп сидит, она его чаем поит.

— Ну, с чем пожаловал? — спрашивает Василиса Пахомовна.

— Я насчёт бога к вам, — говорю. — Вы-то, наверно, знаете, есть он или нет его...

Посмотрела старушка на попа, а он блюдечко с чаем отодвинул и ко мне обращается:

— Похвально, отрок, что господом нашим интересуешься. — А потом говорит Пахомовне: — Обязательно своди его, сестра Василиса, в наш собор, приобщи к вере господней, а для убеждения покажи ему животворную плачущую икону богоматери нашей!

«Этого ещё не хватает, — подумал я. — Мне, пионеру, в церковь ходить?!»

А Василиса Пахомовна говорит:

— Обязательно приобщи, обязательно... Ты, малец, во дворе меня подожди. Я сейчас соберусь и выйду, в собор пойду.

Выскочил я от неё и тут же хотел сбежать. Но потом подумал: «Нет, отступать не годится. Я — пионер и обязан разоблачать религию. А в бога никто меня верить не заставит. Пойду и всё, чего мне бояться?»

Не прошло и минуты, выходит Пахомовна с попом.

— Идём, — говорят. — На такси сядем — скорее в соборе будем.

— Хорошо, — отвечаю. — Только я позади идти буду, чтобы вам не мешать. (Очень мне нужно, чтобы все видели, как я со «святыми» по городу расхаживаю)

Тут поп говорит:

— Лучше впереди шагай: у тебя ноги молодые, быстрее ходят.

А я удираю и не собиравшись, и пошёл впереди, и в такси первым вскочил...

Долго мы ехали, пока на окраине не очутились. Заехали во двор, что за собором, и вышли из машины. Василиса Пахомовна посмотрела на батюшку, а потом спрашивает у меня:

— Может, ты для начала благословение примешь?

— А оно не горькое? — спрашиваю. — В пилюлях или порошках?

— Бог с тобой, что ты говоришь?! — всплеснула руками Пахомовна. — До чего дитя тёмное!.. Тебя батюшка крестным знаменем осенит, перекрестит, понял?

— Э-э, нет! — замахал я руками. — Я не за этим сюда приехал. Вы мне сперва докажите, есть бог или нет, а там видно будет...

— Ладно, — говорит батюшка. — Веди его, сестра Василиса, к слезоточащей иконе, а потом уже ко мне приведёшь.

Вошли мы в собор с какого-то чёрного хода. Прошагали через пустынный зал и попали в

небольшую тёмную комнату. Пока глаза к мраку не привыкли, я думал, что пусто в ней, а потом разглядел у стены кучку людей. Ещё через минуту начал я различать на потолке и на стенах разные фигуры. Все они были с крыльями и летали или сидели на облаках, как на перинах. Это, конечно, святые были нарисованы. Тут я и подумал: «Вот насмотришься такого, и ночью тебе не только ангелы, но и черти приснятся». А Пахомовна держит меня за руку, крестится и говорит шёпотом:

— Здесь она, богоматерь наша, слёзы проливает.

— Где? — спрашиваю я и чувствую, как у самого мурашки по спине бегает.

Толкнула меня Пахомовна в толпу бабушек. Бабушки что-то бормочут, а воздух от них нафталином пахнет. Отстранила Пахомовна старушку, что передо мной стояла, и увидел я эту самую плачущую богоматерь. Оказывается, она не живая, а нарисованная, в раме. Глаза у неё большие, печальные, и из них через каждую минутку по слезинке выкатывается. Мне даже немного жалко её стало. Потом я тихонько спросил у одной старушки:

— Бабушка, а бабушка! Как это делается так, что у неё из глаз вода капает?

— Цыть, басурман! — басом прошептала старушка. — Это — чудо! Это — святые слёзы, а не вода!..

«Но ведь откуда-то они берутся, не с потолка же текут», — подумал я про себя. Однако вокруг иконы ничего такого не бы-

ло. Стоял я, стоял, слушал, как старушки бормочут, и скучно мне стало. Вдруг вижу — справа в стене дверь, каким-то ковриком завешена. «Дай, думаю, загляну туда. Может быть, там чудеса поинтересней?»

Пахомовна стоит на коленях, молится, давно обо мне забыла. Я — тихонько к двери. Приподнял коврик и — туда.

Захожу, а там ещё темнее, чем в комнате, где икона плачет. С трудом разглядел маленькую

лампадку. Пока до неё дошёл, два раза падал, шишку на лбу набил. Начал я присматриваться и вижу, что у самой стены какая-то стеклянная банка висит, а в ней вода. «Может быть, здесь лаборатория какая-нибудь», — думаю. И тут я увидел, что у банки внизу кран, а от него две резиновые трубки прямо в стенку уходят. Потрогал я кран рукой и чувствую, что он еле-еле откручен. Я страшно не люблю, когда что-нибудь не до конца сделано, — взял, да и открутил кран полностью. Трубки вздрогнули, выпрямились, и вода в банке стала быстро убавляться. Вот так лучше. Это — работа!.. Вдруг слышу — за стенкой шум поднялся. «Что бы это могло значить? Может, новое чудо? Может, икона заговорила?»

Выбежал я снова в комнату, где икона стоит, и вижу картину: у богоматери из глаз слёзы фонтаном бьют, на метра два каждый; совсем как у клоуна в цирке, и лицо её от этого даже веселей стало, как будто улыбается. А старушки крестятся и воду с платьев отряхивают.

Хотел я обратно побежать, воду закрутить, но тут почувствовал, что меня кто-то крепко

за ухо взял. Обернулся, вижу — Пахомовна. Глаза злые, горят, а сама сквозь зубы цедит:

— Ах, ты, антихрист! Ах, безбожник! Что натворил?! Всё твоим родителям расскажу, достанется тебе!..

Я уже не помню, как домой пришёл. Сначала бежал и волновался, даже оглядывался — не бегут ли за мной, а потом смех меня начал разбирать: «Так вот, думаю, как попы чудеса делают».

Дома я, конечно, не стал дожидаться, пока Пахомовна всё расскажет, — сам бабушке всё рассказал. Она покачала головой, улыбнулась и ничего не сказала.

А недавно на сборе звена я делал доклад на тему: «Религия — опиум для народа» и разоблачал все поповские чудеса. Когда о плачущей иконе говорил, так даже на доске схему нарисовал: банку с водой и резиновые трубки, по которым «святые слёзы» в нарисованные глаза текут. Между прочим, Оля Чубасова мне с места всё время подсказывала и поправляла, правильно поправляла, будто сама там бывала.

А что, может быть, она действительно там побывала? Может быть.